

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Ян Чанюй*

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ «УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ВЕРХОВЕНСТВЕ ЗАКОНА»

Аннотация. В Древнем Китае в практике управления государством как единым организмом политическая философия и культура, ядром которой выступала конфуцианская этика, в равной степени имели решающее значение. В современном Китае развитие стратегии «управление государством при верховенстве закона» также опирается на фундамент китайской культуры; в государственной модели управления по-прежнему дает о себе знать традиционный культурный ген. Несмотря на то, что в процессе перехода от традиционного типа общества к современному Китай претерпел глубокие социальные трансформации, формирование и развитие стратегии «управление при верховенстве закона», как и прежде, хотя и в иной степени, обуславливается двумя фундаментальными факторами – самодержавной традиционной политической культурой и этикой. Вместе с тем китайская культура, обретшая за свою многотысячелетнюю историю ряд характерных специфических особенностей, внутренне амбивалентна: она несет в себе как положительный потенциал, так и архаические элементы, явно контрастирующие с духом современности. Взять на вооружение рациональные стороны традиционной китайской культуры и расстаться с тем, что не соответствует современности и сковывает развитие отжившим грузом далекого прошлого, – вот те предпосылки, наличие которых способно вывести реализацию стратегии «управление государством при верховенстве закона» на совершенно новый уровень.

Ключевые слова: юриспруденция, Китай, формирование и развитие стратегии, китайская цивилизация, китайская политика, «управление государством при верховенстве закона», фундаментальные культурные факторы, суверенная политика, китайская культура, этика как ядро китайской культуры.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.1.10287

Развитие стратегии «управление при верховенстве закона» в Китае имеет специфику. Это не удивительно, Китай идет по своему собственному пути, особенность которого укоренена в незыблемых устоях китайской цивилизации и исторических

© Ян Чанюй

* Доктор юридических наук, доцент Хэйлунцзянского университета

[yucyfs@gmail.com]

150080, КНР, провинция Хэйлунцзян, г. Харбин, район Нань Ган, ул. Сюе Фу, д. 74

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Влияние культуры на процесс управления на основе законов в России» (11YA820093), получившего финансовый грант Фонда гуманитарных и общественных наук Министерства образования Китая, а также в рамках научно-исследовательского проекта Китайско-российского центра взаимодействующей инновации и гуманитарного сотрудничества в 2012 г. на тему «Исследование ключевых проблем гражданского и коммерческого права на фоне стратегического сотрудничества КНР и РФ» (№ 2012ZD006).

особенностях культуры. Именно базисные для китайской истории культурные факторы являются ключевыми в определении своеобразия китайской стратегии «управление при верховенстве закона» и ее практической реализации. Они оказывают огромное, порой решающее влияние не только на формирование концепции управления государством, но и на становление правовой системы, трансформацию социальной структуры и т.д. Вот почему в настоящее время вопрос о взаимосвязи стратегии управления и традиционной китайской культуры становится исключительно важным. Его актуальность повышается тем, что сегодня реализация стратегии «управление государством при верховенстве закона» на практике сталкивается с определенными трудностями.

Два вида ключевых культурных факторов, участвующих в процессе реализации китайской стратегии «управление при верховенстве закона»

Для китайского научного сообщества вопрос о том, что представляет собой ядро китайской культуры и каковы ее ключевые характеристики, представляется решенным. В общих чертах консолидированная позиция, выработанная с использованием самых различных подходов к ее изучению, сводится к тому, что исторически развитие китайского общества главным образом зависело от «объединительной» политической модели управления государством, сложившейся в условиях традиционной сельскохозяйственной цивилизации, и традиционной системы этических ценностей, на которые она опиралась. Центром этой системы выступали выработанные конфуцианством представления о добродетели, которая мыслилась высшим мерилем социальных практик. Как в государственном устройстве, так и в идеологической концепции государства, политическая модель управления и конфуцианская этика всегда играли важнейшую роль. Но и сейчас эта характерная для Китая особая роль культуры продолжает сохранять свое значение в качестве решающего фактора в развитии стратегии «управление государством при верховенстве закона».

Характерные культурные особенности, о которых идет речь, можно условно разделить на два вида: первый – ключевые («ядерные») факторы, принадлежащие самодержавной культурно-политической традиции Китая; второй – факторы, принадлежащие собственно

области конфуцианской этики как ядра китайской культуры.

В Древнем Китае политическая модель управления, целью которой выступало единство государства, была доминирующей. Концепция *да итун* («великого объединения») берет начало в историческом периоде, предшествовавшем правлению императора Цинь Шихуанди¹, и становится базовой ценностью политической культуры древности. Именно эта концепция стала направляющей и руководящей силой в процессе формирования модели централизованного авторитарного политического правления, а политика, сформированная под ее воздействием, достигла своего расцвета в период правления династий Мин и Цин¹. В политической практике концепция «великого объединения» нашла свое выражение в превращении Китая в единое государство, в абсолютную монархию с централизованной властью. Отличительными особенностями централизованной власти становится то, что местные правительства оказываются структурами «центрального правительства», объединенными под началом «центра», «центром» же определяются и зоны ответственности центральных и местных органов власти. Именно такую систему демонстрирует история, начиная от эпохи правления династий Цинь и Хань² и заканчивая династиями Мин и Цин, когда абсолютистская власть императора в Китае рассматривалась как остова авторитарной политической системы. Следует заметить, что идея абсолютной монархии является важнейшей сущностной особенностью концепции «великого объединения». Концепция «объединения» сыграла, с одной стороны, чрезвычайно важную роль в формировании централизованной власти, в предотвращении раздробления территориально-политической целостности на отдельные «земли», показала, что предполагаемые ею действия уже сами по себе являются высокоэффективной моделью управления государством. С другой стороны, на практике эта концепция серьезно связала формирование и развитие человеческих свобод, а заодно и затруднила общественный прогресс. Позднее модель единого политического управления выработала самодержавную культурно-политическую традицию с абсолютной монархией в центре. Стоит заметить, что в рамках этой

¹ Годы правления династии Мин 1368–1644 гг., династии Цин – 1644–1911 гг. (прим. пер.).

² Годы правления династии Цинь 221–206 гг. до н.э., династии Хань – 206 г. до н.э. – 220 г. (прим. пер.).

традиции такие концепции, как *фа цзы цзюнь чу* («закон устанавливается императором»), *цюаньли чжишан* («власть – превыше всего») и другие, со временем стали считаться нормальным положением вещей.

В области идеологических концепций длительное время ведущие позиции занимала конфуцианская культура, а центральное место в конфуцианстве, для которого добродетель – высшее мерило, – человек и этика. Мощный этикоцентризм, утверждающий человека в качестве основы общества, стал существенной особенностью традиционной китайской культуры, а основная этическая концепция *цзя го ити* («семья и государство – одно целое») естественным образом проникла во все области жизни общества. Естественным, потому что Китай всегда являлся обществом, в котором отношения между людьми строились и поддерживались на основе семейного родства и этики. К тому же, в древнейшей китайской сельскохозяйственной цивилизации традиционно были чрезвычайно сильны такие естественные культурные факторы, как традиции, обычаи, естественные чувства, опыт взаимодействия, основанный на нравственных началах и носивший глубоко личностный, эмоционально окрашенный характер. В силу этих причин китайская концепция закона была непосредственно связана с устоями патриархальной этики. Такие максимы, как *ли фа чжи чжи* («управление при помощи морали и закона»), стремление к *у сун* («не судить») и другие, отражали центральное содержание древнекитайской правовой концепции. Поскольку конфуцианская этика оказала сильнейшее влияние на древнекитайскую правовую культуру, социальные нормы имеют в Китае мощную и единую основу. Но если рассматривать такие меры регулирования общественной жизни, как *цин* («человеческие отношения»), *ли* («общественная мораль», «высшая справедливость») и *фа* («закон»), то закон в порядке этой очередности окажется на последнем месте.

В традиционном китайском обществе, в мире людей, ведущих обычную повседневную жизнь, конфуцианская этика долгое время была проводником и направляющей силой. Можно сказать, что она создала своего рода этическое государство, структурными подпорками которого стали родовые ритуалы и законы. В другом мире, где господствовала автократическая система, последняя сама заботилась о своей защите и сохранении. Под влиянием конфуцианской этики и автократической политической системы – этих двух

центральных культур – сформировалась самобытная китайская цивилизационная форма. Ее наследие, характеризующееся сочетанием принципа централизации власти (самодержавия) с признанием родовых ценностей основой человеческого существования, оказывалось эндогенной причиной переделки на свой лад любых форм модернизации. Например, даже система контроля над личностью, созданная в период правления феодальных династий, смогла (благодаря этому наследию) продемонстрировать свою высокую эффективность. Реализация системы *бянь ху ци минь* («официальное получение права на жительство для йоменов³, слуг и батраков») приводила к тому, что автократическое управление государством пронизывало все уровни жизни – от «центра» до самых низовых структур.

2. Ключевые культурные факторы, глубинно тормозящие процесс реализации китайской стратегии «управление при верховенстве закона»

В настоящее время китайская система «управление при верховенстве закона» в контексте тех модернизационных процессов, которые происходят в Китае, переживает процесс трансформации от традиционной формы к современной. Необходимость модификации внутренней структуры китайской национальной правовой традиции и ее духа таким образом, чтобы она смогла стать основой современной, способной к развитию стратегии «управление при верховенстве закона», очевидна. Однако ее реализация является крайне сложной задачей. Для ее решения следует преодолеть глубоко укоренившееся отношение к вещам и явлениям, унаследованное от традиционной культуры, но уже отжившее свой век. В современном Китае привычки прошлого превратились в препятствия движения вперед.

Отсутствие осознания субъектности индивидуума приводит к тому, что осознание его как субъекта права появиться не может. В разных странах мира структурным фундаментом для становления и развития стратегии «управление при верховенстве закона» становится культура, опирающаяся на два своих основания – индивидуальное сознание и социальную сферу. Первый фактор

³ Гао Сян. Чжунго гудай чжэнчжи дэ сань да чуаньтун (Три великих традиции древнекитайской политики) // Гуанмин жибао. 2012. 5 апр.

отражает состояние саморазвития человека и его познания, второй – характеризует состояние социума, в пространстве которого развивается жизнедеятельность индивидуума. Эти два фактора теоретически можно трактовать раздельно, но в действительности – они неделимое целое, ибо человек суть совокупность общественных отношений.

Неразвитость в китайской культуре темы общественно-политической свободы индивида прежде всего имела своим следствием ее переадресацию на уровень культуры. В политической модели «объединения» ни абсолютистская политическая традиция, ни этика как сердцевина народной культурной традиции не могли воспитать субъектность индивидуума естественным образом, в то время как и само общество не благоприятствовало появлению «социального» человека. В утверждении правовой системы значительную роль играет наличие у индивидуума сознания своей субъектности, своей независимости (индивидуальности): «Человек должен познать ценность того, что он человек, что его жизнь имеет свою отдельную самостоятельную ценность, что независимый индивид автономен». Это – с одной стороны. С другой стороны, не меньшую роль играет осознание себя как субъектности, уважающей субъектность других лиц (социальность): «Это сознание, рождающееся внутри общества, и одновременно – признание существования (самой ткани) “социальности”, в силу наличия которой все люди осознают и взаимно уважают субъектность друг друга».

Отсутствие у индивидуума сознания собственной субъектности не может способствовать появлению у него правового сознания, осознания себя субъектом правовых отношений. В древнекитайском сельскохозяйственном обществе семья (или род) – это базовая ячейка производства, распределения и потребления; моральные нормы взаимоотношений между людьми в этой ячейке суть самые важные отношения в обществе. В силу этого в процессе этизации закона люди понимали только одно: они являются субъектами моральных отношений, но вот их место в системе правовых отношений и роль, которую им предстояло играть в качестве субъектов права, оставалась для них далеко не очевидной. Такое положение вещей еще годится для социальной структуры «семья и государство – одно целое», которая в ситуации, когда закон и мораль суть одно и то же, олицетворяет *моральное право*. Но в конечном счете неразличимость права (закона) и морали (норм) сказывается на обществе негативно, ибо в

правовом поле место независимого человека такой системой не предусмотрено. Китайское низовое (первичное) общество – это общество церемоний, это общество «без закона», управляемое посредством ритуала *ли*. «*Ли* – это общепризнанные в обществе нормы поведения»; «сила церемоний заключается не во внешней власти над человеком, а в его внутренней совести, поэтому *ли* обращает внимание на самосовершенствование человека, подчеркивая необходимость преодоления человеком самого себя. Управление посредством *ли* идеально, когда каждый человек соблюдает закон автоматически и необходимость внешнего контроля за его соблюдением отпадает»⁴.

В традиционном китайском обществе «местный» чиновник, отвечающий за порядок на «месте», был словно отцом и матерью для простого человека, его контролирующее действие по соблюдению порядка *личжи* («управление посредством ритуала») заключались в воспитании, а не в применении норм закона. В Древнем Китае местные чиновники являлись носителями этического учения *сань ган у чан* («три основных направляющих и пять постоянных добродетелей»), эффективное решение правовых споров и разногласий осуществлялось ими с помощью нравственного воспитания – *даодэ*. Жизнь в гармонии на протяжении тысячелетий являлась важнейшим условием совместного существования людей. Зачастую представители рода или села регулировали разногласия спорщиков своими силами еще до суда, вследствие чего дела зачастую и не доходили до судебного разбирательства. Такой образ действия способствовал сохранению стабильности общественного порядка и поддержанию гармоничных отношений между людьми, проживающими на одной территории. Однако он никак не мог стимулировать появления современного правосознания.

Вторжение модели повседневного общества в область правовых отношений. Самым важным проявлением реализации стратегии «управления при верховенстве закона» является полнота правовой системы и ее дальнейшее доброкачественное развитие. В настоящее время китайская правовая система как раз находится в этом процессе обретения своей полноты и завершенности. К 2010 г. в Китае законодательная система социализма с китайской спецификой, центральным звеном которой является Конституция, уже

⁴ Фэй Сяотун. Сянтун Чжунго (Родной край – Китай). Бэйцзин чубаншэ, 2005. С. 79.

была сформирована, законодательная система включала законы, имеющие отношение к Конституции, гражданское законодательство, коммерческое законодательство и т.д.⁸ Но как и раньше, вопрос о том, как гарантировать, чтобы в обществе закон почитался людьми как строго соблюдаемое правило, остается труднорешаемым.

Китайское общество – общество человеческих отношений; ради этих отношений люди зачастую готовы пожертвовать справедливостью, равноправием, беспристрастностью и другими рациональными ценностями. Это – традиция китайского общества, причем традиция, которая серьезно препятствует настоящему рождению стратегии «управления при верховенстве закона». Мы должны констатировать, что через повседневную жизнь традиции продолжают вторгаться в область действия закона. Традиционное общество, уделяющее пристальное внимание взаимоотношениям в семье, – это общество, уважающее и дорожающее отношениями кровного родства, отношениями с близкими и родственниками, личными отношениями; это сложный мир моральных норм, определенный практикой самой жизни и привычкой к следованию традициям. Привычка вершить суд, опираясь на нравственное чувство, а не на правовые отношения и установления, привела к тому, что в области практики «управления при верховенстве закона» повсеместно существуют такие явления, как *юфа буи* («несоблюдение закона»), «с трудом соблюдать закон», «человеческие отношения важнее закона», «закон не сравнится с родственниками» и т.д.

В настоящее время в китайском судопроизводстве находится огромное количество судебных дел, наводящих на глубокие размышления. Например, нашумевшее дело Яо Цзясиня – на первый взгляд совсем не сложное уголовное дело, переросшее, в конце концов, в суд общественности. Почему возможны такие явления, как влияние общественного мнения на правосудие, вторжение административной власти в судебный процесс и т.д.? Народная правда и борьба правосудия за справедливость, балансирование между властью юстиции и администрации – как раз здесь и можно увидеть, что характерные корневые особенности китайской традиционной культуры по-прежнему оказывают на общество глубокое влияние. Люди надеются разрешать разногласия с помощью закона, но невозможно заставить их стремиться к закону, тем более что к профессионалам в области права должного уважения и доверия все еще

не сформировалось, все еще нет уверенности в системе правосудия, что на нее можно полностью положиться.

3. Процесс «управления при верховенстве закона» стимулирует положительное воздействие корневых культурных факторов

Некоторые развитые страны формировали свою правовую систему и правовые институты общества на протяжении трехсот, а то и четырехсот лет, в Китае же правовая система была сформирована всего за тридцать с небольшим. В этом результате мы видим проявление преимуществ нашей модели управления государством, такого управления, при котором руководство осуществляется единым центром. Однако при этом понимаем, что использование сравнительно совершенной системы управления абсолютно не гарантирует автоматического проведения в жизнь стратегии «управление при верховенстве закона». Построение в Китае данной стратегии имеет свои успехи, но необходимо объективно смотреть на стоящие перед нами проблемы, и не отрицая важности использования передового опыта, помнить, что решение проблем собственной правовой культуры является особо важной задачей.

Изжить предпосылки появления культурных парадоксов, возникающих в процессе «управления при верховенстве закона». Почва, не подготовленная соответствующим образом, не будет благоприятной для реализации стратегии «управление при верховенстве закона». Отсутствие правосознания в обычном своем значении вряд ли может способствовать становлению общества как субъекта согласно концепции «управление при верховенстве закона». Создать такое общество способна только зрелая культурная среда. Но и наоборот, общество как субъект, созданный в соответствии концепции «управление при верховенстве закона» и живущий, соблюдая ее принципы, может способствовать прогрессу. В определенном смысле сказанное представляет собой парадокс, однако в настоящее время стратегия «управление при верховенстве закона» как раз и находится в условиях этого самого парадокса. С одной стороны, установка на индивидуализацию, рационализацию и «контрактизацию» отношений рассматривается как ядро современного «управления при верховенстве закона». С другой стороны, очевидно, что ее реализация наталкивается на

необходимость преодоления некой внутренней силы, идущей из глубины традиций: ведь в течение нескольких веков история китайского общества была связана с самодержавным политическим управлением, аккумулировавшим в себе культуру патриархальной морали. Через обычную повседневную человеческую жизнь эта тормозящая сила незаметно проникла в политику, экономику, закон и другие отнюдь не повседневные области жизни. Она влияет на эти области жизни и даже деформирует их, тем самым препятствует развитию современного «управления при верховенстве закона». Мы должны четко понимать, что китайское общество как субъект, обладающий духом «управления при верховенстве закона», не может возникнуть само по себе, его необходимо создать, а это возможно только при посредстве направляющей силы.

Повысить уровень целерациональности, присущей традиционной китайской правовой культуре. Наличие в традиционной китайской культуре характерных корневых особенностей является фактом, отнюдь не благоприятствующим развитию стратегии «управление при верховенстве закона». Но одновременно с этой констатацией мы задаем себе вопрос: почему в Древнем Китае при отсутствии духа «управления при верховенстве закона» и демократической системы разногласия и споры, возникающие между людьми, нуждались во внешнем арбитраже лишь в самой минимальной степени, а добропорядочный образ жизни и благожелательные обычаи сохранялись при этом, непрерывно самовоспроизводились на протяжении тысячелетий? Почему в современном Китае западные правовые нормы имеют малую социальную эффективность, а китайское общественное производство, общественная жизнь способны обеспечить относительные порядок, стабильность и, более того, – общественный прогресс? Все эти вопросы подтверждают, что в традиционной китайской правовой культуре безусловно присутствует своя особая целерациональность и свое особое понимание справедливости. В чем же их суть?

Анализируя отношение китайской нации к этике ответственности, подчеркивая наличие этого примечательного гена китайской правовой культуры, китайские ученые отмечают, что в течение многих веков этика ответственности восполнялась другим наглядным показателем высокого уровня древней китайской цивилизации – правовой культурой. Древняя китайская законодательная культура, отмечают они, обладает универсальной цен-

ностью и огромным пространством для своего развития. Кроме этих названных черт древней китайской законодательной культуры, существуют и ряд других, среди которых особо выделим следующие. Во-первых, это вызревшее в ее недрах серьезное отношение к гуманистическому духу закона, гармоничности общества, к тому, что человек и народ – это основа. Во-вторых, китайская правовая культура акцентирует необходимость взаимного дополнения ритуала (*ли*) и закона (*фа*), такого типа управления, который в равной степени основан и на морали, и на принципе верховенства закона, подчеркивает актуальность древнего принципа «уважать добродетель *дэ*, наказывать осторожно» (*миндэ шэньсин*). В-третьих, китайская правовая культура актуализирует воспитательную функцию закона: закон – это учитель. В-четвертых, она обращает серьезное внимание на добродетельные качества исполнителей закона и людей, находящихся у руля власти, на чувстве ответственности по отношению к своей стране, на ощущении призвания в своем деле. Китайская правовая культура утверждает, что представление о том, что «честь – превыше всего», должно стать для чиновника главным жизненным правилом, а в любом сегменте своей жизни чиновник должен быть образцовым примером, более того – учителем. В-пятых, китайская правовая культура стоит на том, что смысл законов должен рассматриваться синтетически, трактовка статей закона и их комментирование должно осуществляться органически сообразуясь с Небесными принципами, государственным законодательством, человеческими чувствами и отношениями и т.д.

Даодэ (нравственность, мораль) и другие факторы традиционной китайской правовой культуры содержательно чрезвычайно насыщены, и в этом, по сравнению с Западом, наше большое преимущество. Закон и мораль не отделены друг от друга, а гармонично сочетаются. В области системного устройства закон в Древнем Китае, зарекомендовавший себя как высокоэффективная модель регулирования отношений, представлял собой интеграцию административной власти и правосудия. Поскольку значимость ритуала (*ли*), законности, дисциплины и правопорядка (*фа*), человеческих отношений (*лунь*) и логики вещей, или истины (*ли*) превосходила значимость правил и норм, установленных правовой системой, только находящейся в древности у своих истоков, то это обстоятельство позволило наполнить закон человеческими чувствами (человечностью, гуманностью),

«очеловечило» его. Представляющий китайскую систему правосудия суд «по совести» – «цинли» (справедливость, здравый смысл, логика вещей) – явился самым универсальным базовым стандартом того, как нужно вершить правосудие. В этом варианте судебного разбирательства среди всех остальных стандартов, взятых за основу для исполнения правосудия, человеческие чувства и отношения занимали главное место, что придавало системе правосудия гуманистический характер. То, что мы должны сделать сегодня, – это не исключать человеческие чувства и этику из закона полностью, а представить их в законе в должном, предполагающем умеренную степень, объеме. Такое воплощение традиций в законе может считаться действительным выражением подлинной сущности китайской культуры, ее преимуществ и наглядной демонстрацией специфики китайской модели «управления при верховенстве закона».

В последние годы в Китае наблюдается масштабное возвращение традиций в современную жизнь, и это надо рассматривать как дань уважения китайской культуре. Например, в пересмотренный Уголовно-процессуальный кодекс КНР (вступил в силу 1 января 2013 г.) добавлена статья о том, что у родственников подсудимого есть право не давать свидетельских показаний. Статья 188 УПК КНР устанавливает, что «свидетели, вызванные в суд для дачи свидетельских показаний, не могут не явиться, если у них нет для этого уважительной причины. Суд может принудить свидетелей к выполнению долга о даче свидетельских

показаний, исключение составляют супруги, родители и дети подсудимого». Ближайшие родственники подсудимого исключены из числа лиц, которых суд может принудить к исполнению долга дачи свидетельских показаний. Считается, что в истории китайского законодательства «право родственников не давать свидетельские показания против подсудимого» официально установлено впервые. Это один из примеров права «китайского» образца – присущая китайской традиции этическая норма «цинъцинъ сианьинь» (взаимное сокрытие родственниками преступлений друг друга); это также и наглядный пример гуманистического использования традиции в процессе свершения правосудия.

В разных странах корневые черты той или иной культуры в процессе развития стратегии «управление при верховенстве закона» так или иначе проявляют особую роль, что помогает странам и нациям развернуть в пространстве и времени собственную специфику. Однако в этом процессе культура не перестает быть «палкой о двух концах»: она может давать как внутренний импульс для развития, так и тормозить его. В современном Китае «управление при верховенстве закона» по-прежнему опирается на китайскую культурную основу, традиционный культурный ген не перестает присутствовать в модернизационной модели государственного управления. Поэтому только трезво оценивая самих себя, хорошо разбираясь в требующих решения насущных вопросах, мы можем совершить качественный скачок в своем развитии.

Библиография

1. Гао Сян. Чжунго гудай чжэнчжи дэ сань да чуаньтун (Три великих традиции древнекитайской политики) // Гуанмин жибао. – 2012. – 5 апр.
2. Кавасима Такеёши. Сяньдаихуа юй фа (Модернизация и закон). – Чжунго чжэнчжи дасюэ чубаньшэ, 1994.
3. Фэй Сяотун. Сянтун Чжунго (Родной край – Китай). – Бэйцзин чубаньшэ, 2005.
4. Чжу Цзинвэнь. Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи: цзегоу, тэсэ хэ цюйши (Система законов социализма с китайской спецификой: структура, особенности и тенденции). – Чжунго шэхуэй кэсюэ, 2011.
5. Ся Юн. Чаоси вэньдао – чжэнчжи фалю сюэчжа (Учебник политического права: вопросы и решения). – Шанхай: Саньянь шудянь, 2004.
6. Чжан Вэньсянь. Лунь Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи фачжи даолу (О дороге «управления при верховенстве закона» социализма с китайской спецификой) // Чжунго фасюэ. – 2009. – № 6.

References

1. Gao Syan. Chzhungo gudai chzhenchzhi de san' da chuan'tun (Tri velikih traditsii drevnekitaiskoi politiki) // Guanmin zhibao. – 2012. – 5 apr.
2. Kavasima Takeeshi. Syayan'daikhua yui fa (Modernizatsiya i zakon). – Chzhungo chzhenchzhi dasyue chuban'she, 1994.

3. Fei Syaotun. Syantu Chzhungo (Rodnoi krai – Kitai). – Beitszin chubanshe, 2005.
4. Chzhu Tszinven'. Chzhungo tese shekhuei chzhui: tszegou, tese khe tsyuishi (Sistema zakonov sotsializma s kitaiskoi spetsifikoi: struktura, osobennosti i ten-dentsii). – Chzhungo shekhuei kesyue, 2011.
5. Sya Yun. Chaosi ven'dao – chzhenchzhi falyu syuechzha (Uchebnik politicheskogo prava: voprosy i resheniya). – Shankhai: San'lyan' shudyan', 2004.
6. Chzhan Ven'syan'. Lun' Chzhungo tese shekhueichzhui fachzhi daolu (O doroge «upravleniya pri verkhovenstve zakona» sotsializma s kitaiskoi spetsifikoi) // Chzhungo fasyue. – 2009. – № 6.

*Перевод с китайского О.В. Мигуновой.
Материал поступил в редакцию 29 ноября 2013 г.*